

Матаков Константин Анатольевич

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ТЮТЧЕВА О ПАПЕ РИМСКОМ И ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Статья раскрывает взгляды русского поэта Ф. И. Тютчева на проблему свободы совести в связи с двумя его стихами, посвященными главе Католической Церкви. Подчеркивается, что Тютчев занимал критическую позицию по отношению к традиционному католичеству, отрицающему свободу совести. При этом ставится вопрос: насколько сам поэт и философ признавал свободу совести в современном смысле слова? И ответ должен быть отрицательным: Тютчев как мыслитель русской православной империи сам не признавал свободы совести в трактовке современного либерального гуманизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 128-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1.091

Философские науки

Статья раскрывает взгляды русского поэта Ф. И. Тютчева на проблему свободы совести в связи с двумя его стихами, посвященными главе Католической Церкви. Подчеркивается, что Тютчев занимал критическую позицию по отношению к традиционному католицизму, отрицающему свободу совести. При этом ставится вопрос: насколько сам поэт и философ признавал свободу совести в современном смысле слова? И ответ должен быть отрицательным: Тютчев как мыслитель русской православной империи сам не признавал свободы совести в трактовке современного либерального гуманизма.

Ключевые слова и фразы: Папа Римский; католицизм; цензура; свобода совести; Церковь.

Матаков Константин Анатольевич, к. филос. н., доцент

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

matakow@yandex.ru

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ТЮТЧЕВА О ПАПЕ РИМСКОМ И ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ[©]

В двух своих поздних стихах русский поэт Тютчев напрямую касается темы католицизма, и касается весьма критически. В обоих стихотворениях, написанных в 1864 и 1871 гг., главным предметом критики является сам Папа Римский и его взгляды по некоторым вопросам вероучения. В стихотворении, написанном 21 декабря 1864 года и озаглавленном «ENCYCLICA» (т.е. послание Папы), русский поэт обсуждает так называемый Силлабус Папы Пия IX, в котором в 80-ти пунктах отвергались главные заблуждения тогдашней эпохи по мнению Католической Церкви. Поэт не просто критикует Папу, но и выступает в роли пророка, как и подобает поэту истинному; он предсказывает казнь Папы: «И в наши дни – дни Божьего суда – / Свершится казнь в отступническом Риме / Над лженаместником Христа. / Столетия шли, ему прощалось много, / Кривые толки, темные дела, / Но не простится правдой Бога / Его последняя хула... / Не от меча погибнет он земного, / Мечом земным владевший столько лет, – / Его погубит роковое слово: / –Свобода совести есть бред!» [2].

С тех пор прошло почти полтора века, и мы можем посмотреть на прогноз и критику Тютчева с высоты этих лет. Очевидно, что наказание Божье не постигло папство ни в физическом (земной меч), ни в духовном смысле – если иметь в виду некое тотальное разрушение Католической Церкви изнутри. Заметим также, что выражение «свобода совести есть бред» буквально отсутствует в папском Силлабусе. По-видимому, Тютчев имеет в виду мысли, осужденные в пунктах с 77 по 79 и носящие подзаголовок «Заблуждения, относящиеся к современному либерализму»: «77. В наше время более не является полезным рассматривать католическую религию как единственную государственную религию, исключая все иные культы... 78. Также является похвальным, чтобы в каких-либо католических странах закон предоставил людям, туда вселяющимся, иметь публичное отправление их собственного культа... 79. Является, в самом деле, ложным то, что гражданская свобода всякого культа и равно предоставленная всем полная возможность открыто и публично проявлять всяческие мнения и мысли, сделает для народов более легким разложение нравов и душ и распространит язву индифферентизма» [3].

Разумеется, Тютчев как русский православный мыслитель осуждает заблуждения католицизма. Но как бы он отнесся к осуждению вышеупомянутых положений, если бы вместо слова «католический» там было слово «православный»? И был ли он сам сторонником свободы совести в современном смысле этого термина? Под свободой совести как раз и можно понимать вышепротитированное выражение – «гражданская свобода всякого культа и равно предоставленная всем полная возможность открыто и публично проявлять всяческие мнения и мысли»; добавим: если эти мнения и мысли соответствуют принятым законам и определенным представлениям в данном обществе о том, что есть добро и зло. Скажем, свободная пропаганда людоедства и терроризма невозможна и в самом либеральном из современных обществ. Как бы там ни было, но очевидно, что русский поэт не придерживался принципа свободы совести в том виде, как его понимают в современном западном светском государстве. Не придерживался хотя бы потому, что был противником доктрины светского государства и сторонником православной монархии. Но разве абсолютная монархия и государство с одной государственной религией – это образец воплощения принципа «свободы совести»?

Мы сейчас не рассуждаем о том, что в данном случае «хуже» или «лучше»; нас интересуют взгляды Тютчева на данный вопрос в связи с критикой им «католических заблуждений». Итак, он обличает Папу за отвержение им принципа «свободы совести» – а сам? Известно, что Тютчев, занимая должность старшего цензора в министерстве иностранных дел, не разрешил распространять в России манифест коммунистической партии на русском языке, заявляя, что «кому надо, прочтут и на немецком». Дело тут не в симпатиях или антипатиях к коммунизму, а в том, что в нынешнюю эпоху подобный запрет многие сочли бы нарушением «прав и свобод», – как и сам институт цензуры в том виде, как он существовал. Но не все так просто: принцип свободы совести не предполагает ведь свободу всего и вся – в нем и сегодня есть известные ограничения. Понятно, что свобода распространения «Майн кампф» Гитлера или террористических прокламаций на современном Западе тоже ограничена. Запрещая распространение манифеста Маркса и Энгельса, Тютчев исходил из аналогичных предпосылок: свобода пропаганды разрушительных взглядов, сторонники которых призывают к уничтожению существующего строя, не может не быть ограничена.

Он был верноподданным сыном русской православной монархии XIX века; спросим себя: была ли в этом государстве свобода совести в полном объеме? Очевидно, нет. Невозможно себе представить в николаевской России официально разрешенную пропаганду социализма или атеизма, например. Тогда за что же именно поэт критикует Папу, который, кстати, осуждает в Силлабусе и социализм, и атеизм, что явно должно было быть близко Тютчеву? За насилие, которое Католическая Церковь применяла по отношению к инакомыслящим (инквизиция и т.д.)? Но ведь и история русского православия не безоблачна в этом отношении, пусть в православии и не было инквизиции. Как мы уже сказали, Тютчев как русский православный монархист XIX века понимал принцип свободы совести иначе, чем сегодня: для него, в частности, не существовало полного равноправия религиозных исповеданий. Он, безусловно, не принимал доктрины государства, которое придерживается полного нейтралитета в религиозных вопросах. Для традиционной христианской ментальности государство тоже не может не быть христианским. Существует религия большинства, и присутствует представление о единственной истинной Церкви (по крайней мере, так было долгое время). Потому и государство не соблюдает нейтралитет в религии, ему безразлично, какой веры придерживаются его граждане. Светское государство с точки зрения Библии – полный абсурд. В этом смысле принцип «свободы совести» в трактовке XX века никак не может быть назван христианским идеалом. В христианском мире государство должно быть религиозным. И в каком-то смысле это может означать нарушение прав религиозного меньшинства, если это понимать в современном аспекте «прав человека».

Имеется в виду, что хотя религиозное меньшинство может свободно исповедовать свою религию и никто не вправе принудить его к отказу от нее и переходу в другую веру, но, например, свобода проповеди религии меньшинства среди большинства уже не является безбрежной. Современное сознание тут же расценит это как «деспотизм» и «репрессивность», но ведь и нынешняя «нейтральность», одинаковая свобода для всех без разбора – это тоже деспотизм и репрессивность, это навязывание мировоззренческого хаоса, или, как сегодня любят говорить, «тоталитарный плюрализм». Проблема в том, что с христианской точки зрения государству не все равно, попадут его граждане в рай, или нет. Оно, разумеется, не может препроводить их в рай с помощью политических репрессивных мер; спасение – дело Бога и Церкви. Но все от него зависящее в этом вопросе государство должно сделать. В частности, ограничить свободу проповеди для людей, находящихся вне Церкви. Поскольку истина одна, и она – в Боге и Его истинной Церкви. «Другая истина» – это истина неполная, т.е. ложь. А проповедь лжи не может не быть ограничена. Понятно, что в своей среде меньшинства имеют полную свободу слова. Но свобода обращать большинство у них отнята, т.к. государство не желает, чтобы его граждане были в аду (при этом понятно, что в условиях секулярного государства XXI века христиане выступают за свободу совести в более либеральном смысле – скажем, диакон Андрей Кураев убежден, что «принцип свободы совести оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющем ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» [1, с. 13-14]). Многим ныне это не очень понятно, поскольку в современных западных государствах, по сути, отсутствует понятие «духовного вреда». Сегодня человека осуждают только за то, что он нанес физический вред; даже если осуждают сектантов, то, как правило, лишь в том случае, если их деятельность привела к каким-либо физическим последствиям: убийства, финансовые махинации, сумасшествие и т.д. Духовное преступление для современного государства – вещь недоказуемая и призрачная; оно верит только в материю, но не в дух.

Для Тютчева же как человека традиционалистского сознания все наоборот: духовная реальность первична. Он искренне не понял бы, как можно отстаивать принцип свободы совести, придерживаясь материалистическо-атеистических взглядов. Ведь совесть – категория религиозная, это глас Божий в человеке; голос совести предполагает обличение греха в человеке, а грех бывает только в религиозном восприятии. В этом смысле атеистическая идеология не может признавать существование совести. Конечно, атеисты могут говорить о «моральном чувстве», но с точки зрения атеизма любая мораль относительна, никаких абсолютных норм морали не существует, все нормы эволюционируют в истории – для религиозного мировоззрения, сторонником которого был русский поэт, это означает, что никакой морали нет вообще, ибо «относительная мораль» – не мораль. Аналогичные проблемы возникают и с понятием свободы. Какая свобода возможна в материализме, признающем только движение атомов и взаимодействие между ними? Разве элементарные частицы свободны? Недаром же Ленин отвергал «басню о свободе воли». Таким образом, понятие свободы совести в рамках материализма и атеизма не может быть обосновано: у нервных клеток головного мозга не бывает свободы и совести. Иными словами, в рамках такого рода философии, которую Тютчев конечно же отвергал (что мы видим из его статей), невозможна «свобода совести», и потому чаще говорят о «равноправии», «правах человека» и т.д.

Но и здесь Тютчев не понял бы, за какие права человека может ратовать секулярная, материалистическая в своей основе идеология. Мы не знаем, знаком ли был русский поэт с теорией Дарвина, но можно быть уверенным, что верил в сотворение мира и человека Богом. В этой связи еще можно было обосновать «права человека» тем, что человек – уникальное существо для христианства, ибо только он сотворен по образу и подобию Бога. Однако для эволюционизма и материализма человек – это не уникальное существо, а просто модифицированная форма животного; в этом смысле с особым рвением защищать права «одного из вариантов обезьяны», по меньшей мере, странно. Почему бы тогда не защищать права свиньи или курицы? У человека есть разум? Но уникальность разума возможно обосновать, если считать его чем-то нематериальным, отражением божественного разума. Если же разум – это просто комбинация молекул мозга и совокупность

электрохимических процессов в нервных волокнах, то от его уникальности не остается и следа. Почему нужно защищать права одной комбинации молекул и нельзя защищать права другой, очень похожей комбинации молекул – ведь генетически человек и часть обезьян (шимпанзе) отличаются друг от друга на жалкие проценты?

Вот в этом и разница: исходя из православной веры, Тютчев верил в совесть и ее свободу, но при этом понимал, что если свобода мысли не может быть ограничена, то свобода проповеди разных мировоззрений (в том числе – разных религий) должна быть ограничена, исходя из понимания единственности христианской истины в ее православной форме. Современный плюрализм под свободой совести понимает скорее возможность свободы от совести, равенство прав, при котором понятия добра и зла крайне релятивны – отсюда рьяная защита прав геев и т.п. Как религиозный традиционалист Тютчев верит в обязанности человека перед Богом; секулярное сознание верит в первую очередь в права отдельного индивида, и только затем – в его обязанности, но уже не перед Богом, а перед обществом. Отсюда и разное понимание свободы: для православного Тютчева – это следование божественным заповедям; для либерала XXI века – это право отстаивать нарушение этих заповедей или право проповедовать перед всеми отмену заповедей. При этом предполагается, что в особой защите нуждаются права меньшинства – отсюда, например, попытка убрать распятия из общественных зданий в ряде христианских стран только потому, что это может оскорблять чувства атеистов, т.е. как-то ущемлять их «свободу совести» и «равноправие». При этом игнорируется тот факт, что подавляющее большинство в европейских странах как раз за то, чтобы распятия остались. Христианин Тютчев сказал бы «люди *могут* ошибаться», а современный «плюралист» скажет, что «люди *имеют право* ошибаться», и это их право на ошибку и ложь надо защищать едва ли не больше, чем обязанность следовать Истине. Тем самым истина и ложь не только уравниваются в правах, но ложь как ложь меньшинства получает еще больше прав. Свобода от совести становится более защищенной, чем свобода совести. Когда идея права на отдельное и независимое существование индивида, в которое никто не должен вмешиваться, окончательно подавляет идею обязанностей человека перед Богом, для христиан это значит легализацию Содомы и Гоморры; Тютчев, предсказавший падение западного мира, увидел бы сегодня подтверждение этого тезиса.

От разных концепций свободы совести вернемся к критике Тютчевым энциклик Папы Пия IX. Итак, если, осуждая отрицание Папой свободы совести, он не имеет в виду нынешнее либеральное значение этого термина, тогда что? Возможно, русского поэта задели следующие нотки в Силлабусе Пия IX: «Также является похвальным, чтобы в каких-либо католических странах закон предоставил людям, туда вселяющимся, иметь публичное отправление их собственного культа» (78-е осужденное положение) [3]. Это можно интерпретировать даже не в том смысле, что Католическая Церковь возражает против полного равенства не-католиков с католиками в традиционно католических странах (скажем, равенство в свободе проповеди вне храма) – полного равенства не было и в традиционно православных странах в XIX веке – а как возражение против свободы совершать богослужение в католических странах для не-католиков. Это действительно предполагает довольно сильные ограничения свободы совести. Кроме того, возможно, Тютчев имеет в виду тот факт, что хотя насилие по отношению к инакомыслящим было в истории как католичества, так и православия, но в православии такое насилие никогда не было органической частью вероучения, а скорее являлось следствием политики православных государств, пытавшихся таким образом «помочь» Церкви. В католичестве же подобное насилие, по сути, было предусмотрено доктриной, самим пониманием Папы как главы Церкви, сосредоточившего в своих руках полноту церковной и светской власти.

Например, в том же Силлабусе мы видим осуждение следующих тезисов: «23. Римские Первосвященники и Вселенские Соборы превысили пределы своей власти, узурпировали права государей, а также заблуждались в определении вещей, относящихся к вере и нравственности... 24. Церковь не имеет власти применять силу и не имеет никакой мирской власти, прямой или косвенной... 34. Учение, сравнивающее Римского Первосвященника с независимым государем и властителем во всемирной Церкви, является учением, преобладавшим в средние века... 38. Разделению Церкви на Восточную и Западную способствовали непомерные претензии Римских Первосвященников» [Там же]. Разумеется, из такой доктрины, восхваляющей светскую власть Папы в совершенно средневековом духе, не могут логически не вытекать и столь же светские средства борьбы с инакомыслием – в частности, насилие со стороны Церкви. Русский поэт понимал это, и мы можем наблюдать, как во втором своем стихотворении, посвященном критике Папы, он касается непосредственно католического учения о самом Папе. В стихотворении «Ватиканская годовщина», написанном в 1871 г., он снова говорит о Папе в обличительном тоне: «Был день суда и осужденья – / Тот роковой, бесповоротный день, / Когда для вящего паденья / На высшую вознесся он ступень, – / И, божьим промыслом тенимый / И загнанный на эту высоту, / Своей ногой непогрешимой / В бездонную шагнул он пустоту, – / Когда, чужим страстям послушный, / Игналище и жертва темных сил, / Так богохульно-добродушно / Он божеством себя провозгласил... / О новом бого-человеке / Вдруг притча создалась – и в мир вошла, / И святотатственной опеке / Христова Церковь предана была» [2].

Как видим, Папа Римский здесь обвиняется в кощунстве и фактически приравнивается к антихристу. Поэт в этом стихотворении, конечно, имеет в виду догмат о непогрешимости Папы, принятый на I Ватиканском соборе в 1870 году. Надо заметить, что этот догмат не провозглашает непогрешимость Папы в полном объеме; разумеется, признается, что Папа может согрешать, однако в вопросах веры ему приписывается непогрешимость (безошибочность), если он изрекает вероучительные истины с кафедры собора Святого Петра в Риме. Тем самым, вероучительный авторитет Папы ставится выше авторитета церковных соборов, и он может единолично провозглашать обязательные для католиков догматы. Так и поступил Пий IX, когда в 1854 г. он провозгласил новый догмат о непорочном зачатии Девы Марии, – собор при этом не собирался. Безусловно, такое

учение о Папе (немыслимое в православии) ставит его над всеми людьми в Церкви и за ее пределами и приписывает ему божественные черты. Поэтому Тютчев и говорит в этой связи о богохульстве, святотатстве и называет Папу «жертвой темных сил». Подводя итог, русский поэт говорит: «Но нет, как ни борись упрямо, / Уступит ложь, рассеется мечта, / И Ватиканский далай-лама / Не призван быть наместником Христа» [Там же].

Вряд ли Тютчев был знатоком буддизма, но сравнение Папы с далай-ламой в контексте обсуждения догмата о непогрешимости «наместника Христа» вполне уместно для поэта: далай-лама здесь – синоним непогрешимого оракула, которого нужно слушать, несмотря ни на что, подавив совесть; это символ «восточного божества», которому нужно поклоняться без рассуждения. И вот такое понимание этого католического догмата, который фактически существовал уже в средние века (1870 год только закрепил эту традицию), позволяет понять критику поэтом Папы Пия IX за отрицание им свободы совести: когда некий человек рассматривается как непогрешимый наместник Христа, намного превосходящий всех людей и обладающий безграничной властью на земле как в религиозном, так и в мирском смысле, то насилие над свободой совести других людей со стороны этого человека и возглавляемого им общества становится неизбежным. Ведь ощущение собственной абсолютной власти и непогрешимости должно порождать совершенно определенные последствия. Об этих последствиях знает русский поэт, и поэтому он предрекает падение папства, дабы насилие над совестью в христианском мире прекратилось.

Список литературы

1. Кураев А., диак. Диспут с атеистом. М.: Сретенский монастырь, 2009. 240 с.
2. Русская поэзия. Федор Тютчев [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/tyutchev/all.aspx> (дата обращения: 7.07.2013).
3. <http://krotov.info/acts/19/1860/syllabus.htm> (дата обращения: 07.07.2013).

TWO TYUTCHEV'S POEMS ABOUT POPE OF ROME AND PRINCIPLE OF CONSCIENCE FREEDOM

Matakov Konstantin Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
matakov@yandex.ru

The article reveals the Russian poet F. I. Tyutchev's views on conscience freedom problem in connection with two his poems devoted to the head of the Catholic Church. It is emphasized that Tyutchev's position was critical towards traditional Catholicism denying conscience freedom. At the same time the question is raised: how the poet and philosopher himself admitted conscience freedom in the modern sense of the word? And the answer must be negative: Tyutchev as a thinker of the Russian Orthodox empire didn't admit conscience freedom himself in modern liberal humanism interpretation.

Key words and phrases: Pope of Rome; Catholicism; censorship; conscience freedom; Church.

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены предпосылки террора в Ирландии 1920-1921 гг. Устанавливается связь между ситуацией в Британии и ирландской политикой британского кабинета, следствием которой стало формирование специальной полиции, превращенной в главное орудие осуществления террора. Анализ конкретных случаев позволяет сделать вывод, что террор имел узкую идеологическую направленность и применялся против социальных групп, так или иначе связанных с республиканским движением. Британский юнионистский кабинет осуществил в Ирландии кровавый эксперимент в угоду олигархическим кругам.

Ключевые слова и фразы: «эскадрон смерти»; террор в Ирландии; Ирландская королевская полиция (RIC); Вспомогательная дивизия Ирландской королевской полиции (ADRIC); Ирландская республиканская армия (ИРА).

Мельникова Светлана Викторовна, к. филос. н.

г. Комсомольск-на-Амуре

svet.mel@yandex.ru, [molineroluz@gmail.com](mailto:molinero.luz@gmail.com)

ТЕРРОР В ЮЖНОЙ ИРЛАНДИИ 1920-1921 ГГ.: КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ[©]

Британское правительство с декабря 1919 года по май 1920 года осуществило милитаризацию полиции. За период 1920-1921 гг. эти полицейские силы стали орудием кровавого террора в Ирландии. Память об этих трагических событиях оставила весьма болезненный след в историческом сознании Ирландии. Последние